

---

---

# ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

---

---

С. А. ДАВЫДОВ

## ДРЕВНЯЯ МЕСОПОТАМИЯ: СКОВАННАЯ СВОБОДА И ЭМАНСИПИРОВАННОЕ РАБСТВО

*Рабовладение в Древнем Междуречье имело специфику, отличающую его от классического. С одной стороны, здесь свободные люди несли тягелое бремя повинностей перед государством или домохозяином. Последний имел право понуждать домохозяев к работе, выдавать замуж молодых женщин за выкуп, а в некоторых случаях даже обращать жену в рабство. В наихудшем положении оказывались домохозяева в случае, когда домохозяин пользовался своим правом использовать их в качестве имущественного обеспечения по займу. С развитием товарно-денежных отношений свободу стали ограничивать многообразные формы узаконенной кабалы, в которую попадал несостоятельный заемщик. С другой стороны, рабы здесь располагали известными правами и свободами. Наделение рабов правосубъектностью оказалось своего рода институциональным противовесом той легкости, с которой полноправный человек мог потерять свою свободу. Но не в последнюю очередь такое становилось возможным и потому, что в сообществе полноправных людей Месопотамии господствовало представление о рабе не как о вещи или социально униженном агенте, а прежде всего как об источнике постоянного дохода. Поэтому на практике в большинстве случаев эксплуатация раба в Междуречье приобретала мягкие, почти «феодалские» формы взимания оброка, а сам раб нередко становился объектом инвестиций в человеческий капитал. Ведя точный ростовщический расчет выгод и издержек, рабовладельцы Месопотамии научились закрывать глаза на классовые предрассудки, усматривать свою выгоду от предоставления рабу широкой хозяйственной автономии и юридических прав. Дистанция между свободными и рабами в Месопотамии еще более со-*

кращалась благодаря действию социальных институтов, обеспечивавших вертикальную мобильность, позволявшую людям перемещаться из одного социального класса в другой.

**Ключевые слова:** рабовладение, Шумер, Аккад, Ассирия, Вавилония, Междуречье, гражданско-правовые отношения, социальная структура, хозяйственная система.

Согласно сложившимся в XIX в. воззрениям, социальная организация обществ Древнего мира в основе своей покоилась на единых принципах. Они были сформулированы в ходе анализа хорошо изученных к тому времени античных обществ и предполагали существование непримиримых и неустранимых противоречий между двумя основными классами рабовладельческой формации – рабовладельцами и рабами. Первые были наделены правом собственности на средства производства и на самих рабов, последние же, хотя и являлись основной производительной силой общества, были лишены не только собственности, но и вообще каких бы то ни было прав (Философский... 1972: 341).

Такая парадигма достаточно верно характеризовала социальные отношения, существовавшие в Древней Греции и Древнем Риме, а также в государствах, попавших в орбиту их хозяйственного и культурного влияния. Однако едва ли сегодня кто-либо из специалистов рискнет утверждать, что в равной степени она оказывалась адекватной и по отношению к обществам Древнего Востока.

Сомнения в эвристической ценности единого номотетического подхода к пониманию рабовладения на западе и востоке Евразии были высказаны почти сразу же после его возникновения, а в своем законченном виде сформулированы Карлом Августом Виттфогелем (Wittfogel 1957). По мере расширения и изучения исторического материала его гипотеза о своеобразии азиатского способа производства находила все больше подтверждений. В частности, в последние десятилетия в ходе историографических, антропологических и социологических исследований были получены результаты, позволяющие судить о размытости границ между основными классами в рабовладельческих государствах Древней Азии. Оказалось, что здесь они совсем не разделялись той социальной пропастью, которая пролегла между ними на страницах книг с изложением

идеально-типических представлений об античном рабовладении, а острота противоречий между классами демпфировалась государственным законодательством, призванным обеспечивать социальный мир и порядок.

Хорошим дополнением к общей картине, иллюстрирующей особенности рабовладения на Древнем Востоке, может стать описание социальных практик, сложившихся между государством, свободными людьми и рабами в обществах Месопотамии – Шумере, Аккаде, Ассирии и Вавилонии.

Рассматривая хозяйственные культуры этих обществ в качестве частей единого хозяйственно-культурного комплекса, несложно увидеть, что инвариантным признаком классовой структуры Древней Месопотамии является наличие в ней, помимо слоя частично наделенных правами (шумер. *шуб-лугаль* или аккад. *миктум* и *мушкенум*), двух противоположных полюсов – полноправных свободных, именуемых «людьми» (аккад. *авилум*), с одной стороны, и рабов – с другой. Кроме того, можно обнаружить, что свободные здесь несли тяжелое бремя повинностей, рабы располагали известными правами и свободами, а социальные институты обеспечивали существование коридоров вертикальной мобильности, позволявших людям перемещаться из одного социального класса в другой.

Так, анализируя положение свободных общинников в Междуречье, можно прийти к заключению, что они не могли в полной мере наслаждаться привилегированностью своего социального положения.

Хорошо известно, что среди прочих сословий свободные общинники обладали наибольшим количеством прав. Прежде всего они были наделены правом пользования земельными участками и возможностью распоряжаться ими. Эта их возможность была интерпретирована некоторыми исследователями даже как проявление права частной собственности общинников на землю (Шилюк 1997: 38–50; Суровень 2014: 6–32), каковым они, возможно, в действительности и не обладали<sup>\*</sup>. Несмотря на дискуссии, ведущиеся во-

---

<sup>\*</sup> Существуют документальные свидетельства, согласно которым общинники могли распоряжаться земельными участками только в рамках ограничений, устанавливаемых общиной. В договорах купли-продажи земли речь шла, по сути, лишь о возмездной передаче

круг вопроса о собственности полноправных свободных на землю, сегодня общепризнано, что они имели право владеть, пользоваться и распоряжаться прочим недвижимым, а также движимым имуществом. Кроме того, в критической ситуации они могли рассчитывать на экстренную государственную поддержку, прощение долгов перед частными лицами и, за исключением поздних периодов, даже списание недоимок перед государством. Эти права были законодательно закреплены в Законах Уруинимгины (I, ст. 1–9, II, ст. 1–11), законах Липит-Иштара (ст. 7, 9, 12–19, 26–32, 34, 36–43), Среднеассирийских законах, Таблица В + О, законах Хаммурапи (ст. 4, 7, 9–13, 17–18, 25, 42, 44, 46–56, 64–66, 71, 78, 90, 99, 112–116, 118, 120–125, 137–139, 141–142, 146–147, 150–152, 160–164) и т. д.

Располагая значительным объемом полномочий и свобод, полноправные общинники не были свободны от весьма обременительных обязательств, и прежде всего по отношению к государству.

Так, в Шумере они были обязаны на протяжении четырех месяцев в году отбывать трудовую повинность на ирригационных работах и обработке храмовых земель. При этом администрация храмов зорко следила за тем, чтобы общинники в полной мере исполняли свои обязанности. Для этого храмовыми чиновниками велся тщательный контроль затраченного рабочего времени, скорректированного с учетом трудоспособности работника.

В этих целях каждому из них приписывался коэффициент трудоспособности, исчислявшийся в долях рабочей силы. Разрешающая способность шкалы трудоспособности была весьма высокой. Обычно выделялись работники полной и половинной рабочей силы, но в городах Ниппур и Пуприждаган встречается еще «тонкая» дифференциация трудоспособности работника – в 1, 2/3, 1/2, 1/3 и 1/6 рабочей силы (Всемирная... 1987: 52–53). Отдавшие сполна свой долг общинники, а также храмовый персонал получали из государственных хранилищ натуральное и денежное довольствие, что также находило отражение в отчетности. Согласно ей, выдача

---

права пользования землей. Скорее всего, именно общине принадлежало формальное право определять месторасположение продаваемого участка и утверждать сделку. В противном случае сложно было бы объяснить существование в договорах по отчуждению земли пунктов, предусматривающих возможность получения покупателем компенсации, «если поля не будет». См., например: Ebeling 1927: 153.

работникам продовольствия в большинстве случаев осуществлялась ежемесячно.

Отбывающие повинность получали продовольственные пайки, включавшие в себя зерно, рыбу, хлеб, растительное масло, финики, пиво, а также непродовольственные блага – ткань или шерсть на одежду и даже немного серебра, использовавшегося в Шумере как средство платежа (Всемирная... 1987: 53). Размер вознаграждения также определялся количеством и качеством затраченного труда. В Лагаше, к примеру, существовало три категории получателей продовольственного пайка: *lu-kur-dab-ba* – «люди, получающие кормление» (квалифицированные работники); *igi-nu-du* – «люди, получающие по отдельным табличкам» (неквалифицированные работники); *gim-du-mu* – «рабыни и дети», в том числе *nu-sig* – «сироты». Аналогично в Уре помимо работников полной рабочей силы продовольствие получали: *dum-dumu* – «работники половинной рабочей силы», *bur-su-ma* – «старики», а также «едоки хлеба» (Тюменев 1956). В целях обеспечения бесперебойной работы по формированию общественных фондов потребления и воспроизводству рабочей силы храмовые чиновники были вправе применять санкции по отношению к тем, кто уклонялся от добросовестного исполнения своих обязанностей перед государством. Есть основания полагать, что уклонисты обязаны были компенсировать государству недополученную рабочую силу в размере, равнявшемся «среднему размеру наемной платы, т. е. той платы, которую необходимо было выплатить лицам нанятым, чтобы заменить работников, не явившихся по какой-либо причине на общественные работы» (Козырева 1999: 48).

С развитием средств производства система храмового хозяйства начинала деградировать. Еще в правление III династии Ура от храмов постепенно стали отчуждаться земли и передаваться свободным людям в качестве пожалования за несение службы либо же в условное пожизненное пользование. С падением династии централизованные храмовые хозяйства практически перестали существовать. Но едва ли можно сказать, что с отменой централизованной плановой экономики рядовые общинники Междуречья стали свободнее. Одни формы зависимости сменились другими.

Действительно, ликвидация монополии храмов на распоряжение ресурсами способствовала расширению сферы товарно-денежных отношений и развитию обеспечивавших их экономических институтов купли-продажи и временной передачи прав на имущество, аренды, субаренды, кредита, залога и поручительства. Нередко в результате неблагоприятного исхода рыночных трансакций люди оказывались в крайне затруднительном положении, лишаясь своего имущества и даже – полностью или частично – своей свободы. Это с неизбежностью приводило к возникновению многочисленного класса людей, которые были частично или полностью лишены своих прав и попали в зависимость от новых собственников средств производства – государства и частных лиц (Ке-чекьян 1944).

Государство неоднократно предпринимало попытки регулирования частноправовых отношений с целью защитить «людей» от ростовщиков, для чего законодательно устанавливало условия торговли и даже цены на основные товары и услуги, а также условия кредита, найма, аренды и т. д. Это нашло свое отражение в законах царя Эшнунны (XX в. до Р. Х.), законах Липит-Иштара (XX–XIX вв. до Р. Х.), законах Хаммурапи (XVIII в. до Р. Х.) (История... 1983: 372–374). Эти меры, безусловно, сдерживали процесс имущественного и социального расслоения в Междуречье и способствовали тому, что в обществе сохранялась довольно значительная прослойка свободных людей. Но даже они не могли не чувствовать на себе пресса социального и экономического давления.

Одной из самых уязвимых категорий свободного населения Древней Месопотамии являлись члены семьи патриархального домохозяина.

Например, согласно Законам Хаммурапи последний имел право понуждать их к работе, молодых женщин выдавать замуж за выкуп, а жену, если та приносила домохозяйству ущерб своими приготовлениями к разводу, даже обращать в рабство (ст. 141). Но, вероятно, в наихудшем положении оказывались домочадцы в случае, когда домохозяин осуществлял свое право использовать их в качестве имущественного обеспечения по займу и заключал по этому поводу договор с займодавцем (Grise 1919: 78). Такое происходило, если глава семьи не имел возможности вернуть долг своему кредито-

ру. Используя заложника таким образом, домохозяин был вправе либо продать его третьему лицу с последующей передачей выручки кредитору (ст. 114–115), либо передать члена своей семьи непосредственно заимодавцу в кабалу в счет погашения своих обязательств (ст. 117). В обоих случаях должник считался освобожденным от своих обязательств, но ценой свободы члена своей семьи.

Важно отметить, однако, что государство не оставляло заложника один на один с его новыми хозяевами, а активно вмешивалось в их отношения.

Прежде всего кодекс запрещал кредитору использовать тяжелую жизненную ситуацию должника для своекорыстных целей. Согласно ст. 66, «если человек взял деньги у тамкара и тамкар этот прижимает его, а ему нечем заплатить долг, и он отдал тамкару свой сад после опыления и сказал ему: “Финики, сколько их будет в саду, ты заберешь за свое серебро”, то тамкар не должен согласиться; только хозяин сада должен забрать финики, сколько их будет в саду, и серебро с его процентами, согласно его документу, он должен уплатить тамкару, а остальные финики, которые будут в саду, должен забрать только хозяин сада» (Хрестоматия... 1980: 138). Как видно из текста статьи, закон предоставляет должнику отсрочку в погашении задолженности и запрещает заимодавцу изымать урожай должника сверх стоимости кредита с процентами. Очевидно, эта норма была призвана ограничить процесс обнищания свободных полноправных людей и утраты ими своего высокого социального положения в результате самопродажи в рабство или передачи их в заложники за долги.

Однако если такое все же происходило и свободный человек попадал в зависимость от кредитора, то он, согласно Кодексу Хаммурапи, не лишался правовой защиты от дурного обращения. Она была определена ст. 196–211 и устанавливала меру ответственности человека в зависимости от степени ущерба физическому состоянию, который тот причинил другому полноправному, а также пораженному в части своих прав человеку – мушкенуму и даже рабу.

Так, если человек из-за дурного обращения лишился глаза, то его обидчику тоже должны были выколоть глаз (ст. 196). Аналогично за перелом кости обидчик равного ему по положению отвечал переломом кости (ст. 197), за выбитый зуб лишался зуба (ст. 200),

за удар по щеке он обязан был уплатить штраф в 1 мину серебра (ст. 203), за неумышленное причинение вреда здоровью он должен был поклясться: «Неумышленно я ударил» – и оплачивать лекаря (ст. 206), если же в результате побоев равноправный умирал, то штраф составлял уже 1/2 мины серебра (ст. 207). Но за умышленное причинение смерти Кодекс Хаммурапи предусматривал более суровую кару, нежели штрафы или реализация принципа талиона за незначительный ущерб. Так, причинением смерти женщине вследствие побоев виновный обрекал на смерть свою дочь (ст. 210), а ст. 116 Кодекса прямо определяет, что «если заложник умер в доме залогодержателя-заимодавца от побоев или дурного обращения, то хозяин заложника может уличить своего тамкара, и, если это кто-либо из полноправных людей, должны казнить сына заимодавца...» (Хрестоматия... 1980: 161).

Принципиальным моментом старовавилонского законодательства является то, что оно не только оберегало заложника от дурного обращения, но и определяло предельные сроки его пребывания в кабальной зависимости у покупателя или кредитора. Согласно ст. 117 «если долг одолел человека и он продал за серебро свою жену, своего сына и свою дочь или отдал их в кабалу, то три года они должны обслуживать дом их покупателя или их закабалителя, в четвертом году им должна быть предоставлена свобода» (Там же: 161). Важно отметить, что эта норма не только устанавливала временные рамки социальной зависимости полноправного человека, но и ограничивала процесс имущественной дифференциации. Ведь зная предельные сроки эксплуатации труда заложника, рациональный заимодавец вынужден был ограничивать сумму займа, чем повышал шансы должника на его погашение. В результате в обществе сохранялось значительное количество полноправных свободных людей, а владельцы капитала не имели возможности безграничного обогащения за счет ростовщических операций.

Нельзя не отметить, однако, что с развитием товарно-денежных отношений законодательные права кредитора были расширены. Например, среднеассирийские законы второй половины II тысячелетия до н. э., обнаруженные в начале XX в. при раскопках в Ашшуре и дошедшие до нас в виде табличек от А до О, хорошее обращение с заложником уже не используют в качестве безусловного



императива, каковым оно являлось в Кодексе Хаммурапи. В таблице А ашшурских законов указано, что «если ассириец или ассириянка, живущие в доме человека в качестве залога за их цену, взяты за полную цену, то он (заимодавец) может их бить, таскать за волосы, повреждать или протыкать их уши» (Хрестоматия... 1980: 201). Как видно, правовая защита от дурного обращения в кабале распространялась только на взятых в заложники людей, стоимость которых оценивалась выше стоимости кредита. Если это условие не выполнялось, заимодавец был вправе понуждать заложника к труду с применением мер физического воздействия. Существенным является и то обстоятельство, что ашшурские законы не содержали даже упоминания об ограничении срока пребывания заложника в доме заимодавца, фактически допуская его пожизненное закабаление.

Вавилонские законы еще более усилили бесправие домочадцев. Они сняли установленные, по-видимому, Хаммурапи ограничения с права домохозяина распоряжаться членами своей семьи по своему усмотрению. Если Кодекс Хаммурапи разрешал продавать или выдавать в кабалу домочадца исключительно в виде уплаты уже имеющегося долга (ст. 117, 119), то в Вавилоне VII–VI вв. до Р. Х. практика продажи членов семьи ради обогащения уже получила широкое распространение. Об этом свидетельствуют тексты договоров о купле-продаже рабов. В одном из них, например, значится, что ассириянка Банат-Иннин в народном собрании и в присутствии государственного распределителя имуществом объявила, что осталась вдовой и в силу своего бедственного положения «заклеймила своих малолетних детей Шамаш-рибу и Шамаш-леу и отдала их богине (то есть в храм. – С. Д.) Белит Урукской. Пока живы, они действительно будут храмовыми рабами Белит Урукской» (Yale... 1920: 154).

Снизив уровень защиты несостоятельного должника и члена патриархальной семьи, ассирийское общество тем не менее выработало практики их социальной реабилитации. Наибольшее распространение среди них получили «оживление» и «усыновление».

Практика «оживления в бедственном положении» предполагала, что несостоятельный отец отдавал «оживителю» свою дочь. Последний принимал «оживленную» на кормление и получал право использовать ее рабочую силу в своем домохозяйстве до ее выкупа

за полную цену родным отцом. Кроме того, «оживитель» получал право выдать девушку замуж, что могло рассматриваться им как выгодное коммерческое предприятие, поскольку по существовавшему у ассирийцев правилу он получал от будущего мужа имущественный выкуп – «брачный дар». Но и резоны родного отца девушки были в этом случае очевидными: за передачу «оживителю» своей дочери он получал денежное вознаграждение и сохранял ее статус полноправной ассирианки (Дьяконов 1949).

Подобно «оживлению» «усыновление» также являлась формой, в которую облекались отношения между кредитором и несостоятельным должником. Например, согласно тексту договора между ассирийцами Эриш-или и Кенией, сын Эриш-или Накиду усыновлялся Кенией «с его полем и его домом и всем его имуществом. Накиду – сын, Кения – его отец. В поле и внутри поселения он (Накиду) должен работать на него (Кению). Накиду как с отцом, Кения как с сыном должны обходиться друг с другом. Если Накиду на Кению не будет работать, без суда и спора он (Кения) может обрить его (Накиду) и за серебро продать его» (Хрестоматия... 1980: 209). Данный документ, очевидно, является свидетельством притворного усыновления займодавцем члена семьи должника, неспособного исполнить свои обязательства по ссуде. Ведь его подписанты не забыли упомянуть, что сын должника усыновляется вместе со всем его имуществом, и акцентируют внимание на санкциях, ожидавших «усыновленного» в случае его отказа работать на «усыновителя». Но, как и в случае с «оживлением», подобная форма отношений между займодавцем и должником была выгодна обеим сторонам. Кредитор получал в свое распоряжение рабочую силу и имущество, а также безусловное право распоряжаться судьбой «усыновленного» по своему усмотрению, вплоть до продажи его в рабство. В свою очередь должник освобождался от своих обязательств по кредиту и сохранял члену своей семьи статус свободного человека, полноправие которого по условиям договора было ограничено не более чем в его прежней семье – патриархальной властью его нового «отца».

Не стоит удивляться той изобретательности, которую проявляли полноправные люди для того, чтобы избежать долгового рабства. Отношение к рабам в Месопотамии хорошо иллюстрирует то,

во сколько оценивались жизнь и здоровье раба по сравнению с жизнью и здоровьем свободного человека.

Например, на рабов не распространялся правовой принцип талиона. Если за причинение физических дефектов свободному преступник получал симметричное наказание, то при нанесении ущерба рабу он отделялся штрафом в половину его покупной цены, да и тот выплачивался не потерпевшему, а его хозяину (ст. 199). Смерть раба от дурного обращения в доме нового хозяина грозила последнему не потерей сына, как это наказывалось бы в случае причинения смерти полноправному человеку, а лишь штрафом 1/3 мины серебра и потерей всей суммы выданного должнику кредита (ст. 161).

Несложно заметить, что жизнь и здоровье раба закон оценивал ниже, чем жизнь и здоровье полноправного и неполноправного человека. И все же положение раба в Междуречье было несопоставимо более высоким по сравнению с положением раба в античных государствах. Об этом говорят документы, раскрывающие перед нами отдельные стороны его социального и правового статуса.

Прежде всего из ст. 175–176 Кодекса Хаммурапи следует, что принадлежащие государству, а также неполноправным мушкенумам рабы обладали правом вступать в брак с представителями любого социального класса, а также иметь собственное имущество и вести свое хозяйство. В более поздние времена законодательство Междуречья и вовсе снимает явные ограничения с этих прав, предоставив их, по-видимому, всем без исключения рабам.

Источником формирования имущественного комплекса рабов становились не только их собственные средства, но, вероятно, и средства их хозяев. Прямые указания на это отсутствуют. Однако об этом можно судить по тому, насколько бережно относился рабовладелец, рассматривавший своего раба как надежный источник постоянных доходов, к своему «имуществу» и с какой рациональностью он обычно подходил к формированию способности раба эти доходы получать. В основе этой бережливости был, скорее всего, простой хозяйственный расчет. Как показал Дуглас Норт в своей работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики», в ряде случаев предельные издержки контроля над рабом оказывались выше предельной пользы, которую приносил его подневольный труд. «Ввиду возрастающих предель-

ных издержек осуществления оценки и контроля, – писал он, – хозяину невыгодно устанавливать всеобъемлющий контроль за трудом раба, и он будет осуществлять контроль только до тех пор, пока предельные издержки не сравняются с дополнительным предельным доходом от контроля за рабом. В результате раб приобретает некоторые права собственности по отношению к собственному труду. Хозяева могут увеличить ценность своей собственности, предоставив рабам некоторые права в обмен за те результаты рабского труда, которые хозяева ценят больше всего» (Норт 1997: 51).

Неслучайно рабовладельческая эксплуатация в Месопотамии предстает перед нами в мягкой, почти «феодальной» форме взимания с раба оброка (Scheil 1915: 5), а инвестиции в его человеческий капитал получили самое широкое распространение. Например, у нас есть документальные подтверждения тому, что свободные люди оплачивали обучение своих невольников ткацкому (Strassmaier 1890: 64), пекарному (*Ibid.*: 248), домостроительному (Petschow 1956: 112), кожевенному делу (Strassmaier 1892: 457) и т. д. Несложно понять, что в ходе обучения рабы приобретали востребованные профессии и были защищены от дурного обращения крайних форм эксплуатации высокой квалификацией своего труда.

Вероятно, в некоторых ситуациях рабовладельцу и вовсе было выгоднее предоставить своему рабу свободу при условии пожизненного содержания своего бывшего господина, нежели ограничивать его свободу. Об этом также имеются документальные свидетельства. Хотя здесь следует заметить, что, предоставляя рабу свободу, хозяин, как правило, не забывал связать своего бывшего раба обязательствами «доставлять ему пищу и одежду», а в случае неисполнения этих обязательств «разбивал», то есть дезавуировал, составленный документ о предоставлении свободы вольноотпущеннику (*Idem* 1889: 697).

Подобное сочетание «щедрости» и предусмотрительности по отношению к рабам является верным указанием на то, что инвестиции в человеческий капитал невольников и предоставление им свободы не столько были проявлением гуманизма рабовладельцев, сколько выражали их стремление наилучшим образом обеспечить себя в материальном отношении. Но в любом случае следует отметить, что положение раба в Месопотамии во многом расходилось

с тем образом безмолвного живого орудия, задавленного бременем непосильной монотонной работы, который до сих пор еще приписывается ему на страницах некоторых научных изданий. Значимость раба в социально-экономической Древней Месопотамии подкреплялась и его отнюдь не ничтожным правовым статусом.

Существуют документальные свидетельства того, что еще со времен Шумера раб располагал правом самостоятельно выступать в суде, в том числе с исками о незаконности своего пребывания в статусе раба. Истец обычно обращался к судьям со словами: «Я – не раб» – и старался привести установленные законом аргументы в подтверждение своих прав. Ими, как правило, были либо таблички, устанавливавшие или подтверждавшие его статус свободного человека, либо же клятвенные показания свидетелей (Хрестоматия... 1980: 148–149).

Данная традиция нашла свое продолжение в Вавилонии и Ассирии. Об этом свидетельствуют как тексты законов, так и протоколы судебных заседаний, посвященных спорам по вопросу о законности пребывания раба в неволе. Так, согласно ст. 282 Законов Хаммурапи, раб имел право обратиться в суд за обретением свободы, но должен был убедительно аргументировать свои требования – в противном случае хозяин был вправе отрезать ему ухо. Документы более позднего времени служат хорошей иллюстрацией того, что рабы не боялись возможного наказания и смело выдвигали иски к своим хозяевам. Многочисленность протоколов судебных заседаний с подобными спорами говорит о том, что у рабов были шансы получить свободу по суду. Здесь можно привести в пример протокол судебного иска раба по имени Барики-или о признании его свободным. На просьбу судей предъявить документ, подтверждающий его свободу, Барики-или ответил: «Два побега совершил я из дома своего господина, много дней меня не видели, я скрывался и говорил: “Я – свободный человек” <...> Я – свободный человек, охранник Бел-риманни, находящегося на службе у Шамаш-димика, сына Набу-надин-аха...» (Strassmaier 1890: 1113). Документ может представлять для нас интерес не только как прямое свидетельство рутинизации практик оспаривания рабом своего статуса. Из его контекста можно увидеть, что режим содержания Барики-или в неволе был таким, что позволил ему

не только осуществить побег, но и сделать это дважды. Обращает на себя внимание и то, что такие действия раба остались без сколько-нибудь вредных для него последствий. Ведь несмотря на его поимку и возвращение к прежнему хозяину, он не был отмечен пожизненными маркерами своего рабского положения и склонности к побегу, что позволило Шамаш-димику принять его на службу в качестве охранника.

Надо думать, что в обществах Древнего Междуречья сфера правосубъектности раба не ограничивалась лишь его участием в судебных процессах по спорам относительно его статуса. Она была значительно шире и выражалась не только в наделении раба такими «формальными» правами, как, например, право свидетельствовать против своего господина, не будучи подвергнутым бастонаде (Хрестоматия... 1980: 237), но и открывала перед ним определенные возможности свободно организовывать свои отношения с полноправными на взаимовыгодной договорной основе.

Широкое распространение получили практики покупки рабами имущества у полноправных и даже их участия в создании коммерческих предприятий наравне со свободными на условиях равноправного партнерства. Например, согласно договору между Белкациром, потомком прачечника, и рабом Мрдук-мацир-апли, заключенному в 519 г. до Р. Х., каждая из сторон в целях организации торговли вносила по 5 мин серебра, а выручку от торговли также делила поровну (Strassmaier 1892: 97). Как видно в данном случае, низкий социальный статус Мрдук-мацир-апли ничуть не отразился на его переговорных позициях и не снижал его доли в получаемой прибыли.

Важно отметить, что в хозяйственных взаимоотношениях со свободными рабы могли занимать даже более высокое положение по отношению к свободным. Это происходило в том случае, если их роль хозяйственного агента оказывалась более значимой в сравнении с хозяйственной ролью полноправного человека.

Прежде всего раб был наделен правом предоставлять свободному человеку заем на условиях выплаты процентов и требовать с должника исполнения своих обязательств. К примеру, в 523 г. до Р. Х. раб Даян-бел-уцур предоставил Барики-Ададу, сыну Яхала, 40 кур ячменя, 1 мину серебра и 3300 головок чеснока на условиях

ежемесячного получения от должника 40 кур ячменя, а кроме того, «из 1 мины серебра  $\frac{1}{2}$  мины серебра (и) чеснок Барики-Адад должен отдать Даян-бел-уцуру из своего дохода» (Strassmaier 1890: 218). Очевидно, что, принимая на себя роль заимодавца, раб делал это ради получения материальной выгоды. И в этом смысле важно отметить, что его хозяйственный статус был защищен выдававшимся ему на руки документом с подписями писца, а также свидетелей, удостоверявших законность и чистоту сделки. В том, что свободные люди вынуждены были исполнять свои обязательства перед рабом, также нет сомнений. Об этом свидетельствуют тексты расписок, выданных рабами-заимодавцами своим бывшим должникам в том, что они получили все причитающееся по договору и считают отношения по нему завершенными. Примером такого документа является расписка, выданная в 507 г. до Р. Х. все тем же рабом Даян-бел-уцуром другому полноправному. В ней значилось, что «свой долг, капитал и проценты Даян-бел-уцур, раб, принадлежащий Мардук-мацир-апли, потомку Эгиби, получил из рук Куннату, дочери Аххе-иддина, жены Бел-иддина» (*Idem* 1892: 400).

Вавилонские невольники имели право не только заниматься ростовщическими операциями, но и выступать в качестве арендаторов. При этом арендовать они могли как имущество свободных людей (The University... 1912: 118), так и рабочую силу. Прежде всего раб располагал возможностью эксплуатировать рабочую силу другого раба. Примером может служить договор от 549 г. до Р. Х. между Идти-мардук-балату, сыном Набу-аххе-иддина, и рабом Ина-цилли-Белу, рабом Ина-киви-Бела, в том, что последний за наемную плату 9 сиклей серебра берет себе на год и имеет право использовать рабочую силу раба Идти-мардук-балату по имени Барики-или (Strassmaier 1889: 299).

Однако этим права раба как нанимателя рабочей силы не ограничивались. Каким бы неожиданным для некоторых из нас это ни показалось, его права распространялись и на сферу найма рабочей силы полноправных вавилонян. Например, согласно заключенному в 532 г. до Р. Х. договору Забаба-шум-уцур, сын Набу-укин-зера, сдал в наем рабыне Шебетте своего сына Набу-буллиту за 4 сикля серебра в год с тем условием, однако, чтобы тот на протяжении двух месяцев в год продолжал выполнять работу в доме своего от-

ца. Подписав договор, стороны как равноправные участники сделки на руки «по одному документу получили» (Strassmaier 1890: 278). Документ не дает оснований думать, что обязанность Шебетты предоставить сыну свободного человека отпуск для работы в доме его отца является уступкой, которую она была вынуждена сделать в силу своего рабского положения. Подобного рода оговорками изобилуют и договоры, заключенные между свободными людьми.

Границы экономических свобод вавилонского раба были столь широки, что включали в себя даже его право и самому становиться рабовладельцем. Об этом, к примеру, свидетельствует текст договора между полноправными вавилонянами Иддией, Римутом и Син-зер-ушабши, с одной стороны, и рабом Ид-даху-Набу – с другой, заключенного в Уре в период царствования Артаксеркса. Согласно тексту договора продавцы получили из рук покупателя 1 мину 18 сиклей серебра – полную цену рабыни Белтимы, и передали ее покупателю. При этом в договоре особо отмечается ответственность полноправных вавилонян перед рабом в случае, если третья сторона оспорит сделку: «Как только претензии на их рабыню Белтиму возникнут, то Иддия, сын Син-иддина, Римут, сын Мурану и Син-зер-ушабши, сын Шамаш-Этира, должны очистить свою рабыню Белтиму и отдать Ид-даху-Набу» (Figulla 1949: 29). В данном контексте слово «очистить» следует понимать как освободить от претензий, принять на себя все издержки, связанные с освобождением собственности на рабыню от обременений, после чего передать ее покупателю. Как можно заметить, согласно условиям договора раб становился полноправным собственником приобретенной рабыни и даже получал гарантии того, что его приобретение никогда и никем не будет оспорено.

Дарованные рабу возможности участвовать в качестве активного (а в некоторых случаях даже и весьма влиятельного) хозяйственного агента в определенном смысле приближали его экономический статус к статусу лиц, свобода которых не была ограничена. Положение раба становилось еще более независимым в случаях, когда он освобождался от обязанности жить в доме своего господина. О том, что такое в действительности имело место, свидетельствуют договоры об аренде рабами съемного жилья. Стоит заме-



титель, однако, что в известных нам случаях качество такого жилья оставляло желать лучшего. Например, согласно договору, заключенному в 546 г. до Р. Х. в Вавилоне между Шушранни-Мардуком, сыном Мардук-надин-аха, и Бел-целешиме, рабом полноправного по имени Набу-ахе-иддина, Шушранни-Мардук предоставил в пользование Бел-целешиме за плату в 2 ка хлеба в день помещение, расположенное на крыше амбара, а также пристройку у амбара (Strassmaier 1889: 499). Точно нельзя сказать, почему Бел-целешиме по договору не было предоставлено для жилья лучшего помещения: была ли причиной тому его низкая платежеспособность или же доступ к качественному жилому фонду Вавилонии все же был дифференцирован в зависимости от социального положения арендатора. В пользу последнего могло бы свидетельствовать то, что в некоторых договорах того времени снимаемое рабами жилье именуется «рабским помещением» (*Idem* 1892: 163). Но, так или иначе, положение раба, не привязанного «физически» к дому своего господина, в чем-то оказывалось даже более выигрышным в сравнении с положением полноправного вавилонянина, находящегося под патриархальной властью главы семьи.

По-видимому, то обстоятельство, что общество Древнего Междуречья предоставляло рабам значительные права и свободы в хозяйственной сфере, явилось результатом следования культурной традиции, заложенной еще в Шумере и преломленной через Кодекс Хаммурапи. Установленные законами послабления рабам также были способны выступать и в качестве институционального противовеса той легкости, с которой полноправный человек мог потерять свою свободу. Но не в последнюю очередь такое становилось возможным и потому, что вполне согласовывалось с интересами рабовладельцев. Вероятно, в сообществе полноправных людей Месопотамии господствовало представление о рабе не как о вещи или социально приниженном агенте, а прежде всего как о личности, способной быть источником постоянного дохода. Именно этим можно было бы объяснить, что на практике раба и хозяина в большинстве случаев связывали отношения не столько социальной, сколько экономической зависимости, а сам раб нередко становился объектом инвестиций в человеческий капитал. Не стоит удивляться тому, что в таких условиях рабовладельцы научились закрывать глаза на

классовые предрассудки и умели с точным ростовщическим расчетом усматривать свою выгоду от предоставления рабу широкой хозяйственной автономии и юридических прав.

Итак, при более внимательном рассмотрении социальных практик, характеризующих положение свободных и рабов в Шумере, Аккаде, Ассирии и Вавилонии, можно дополнить картину социальной организации обществ Древнего Междуречья штрихами, делающими ее не похожей на социальную организацию классических рабовладельческих обществ. Хотя наличие рабовладения здесь было непреложным фактом, свободные и рабы, составлявшие оппозицию в социальной структуре, тем не менее не были разделены непреодолимой пропастью. Полноправные люди пребывали под прессом многочисленных государственных обременений и патриархальной зависимости от главы семьи. В то же время рабы располагали правосубъектностью и высокой степенью свободы в осуществлении экономической деятельности, возможностью выступать в качестве активных и влиятельных игроков в хозяйственной жизни. Все это размывало существовавшие в обществах Древней Месопотамии классовые противоречия и раскрывало перед людьми возможности проявления хозяйственной инициативы независимо от их социального статуса. Неслучайно на протяжении многих столетий Междуречье демонстрировало преемственность хозяйственной культуры и стало воплощением устойчивости экономического развития и социальной стабильности.

#### *Литература*

**Всемирная история** экономической мысли. Т. 1. От зарождения экономической мысли до первых теоретических систем политической жизни. М.: Мысль, 1987.

**Дьяконов, И. М.** 1949. *Развитие земельных отношений в Ассирии*. ЛГУ.

**История** Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М., 1983.

**Кечекьян, С. Ф.** 1944. *Всеобщая история государства и права*. Ч. I. *Древний мир*. Вып. 1. *Древний Восток и Древняя Греция*. М.

**Козырева, И. В.** 1999. Общественный труд в Древней Месопотамии. В: Дандамаев, М. А. (отв. ред.), *Подати и повинности на Древнем Востоке*: сб. ст. СПб.: Востоковедение.

**Норт, Д.** 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала».

**Суровень, Д. А.** 2014. Процесс возникновения частной и государственной собственности (по материалам письменных источников Древней Месопотамии Протописьменного периода). *Проблемы истории общества, государства и права* (с. 6–32). Вып. 2. Екатеринбург: УрГЮА.

**Тюменев, А. И.** 1956. *Государственное хозяйство Древнего Шумера*. М.; Л.

**Философский словарь** / под ред. М. М. Розенталя. М., 1972.

**Хрестоматия** по истории Древнего Востока. Ч. 1. М.: Высшая школа, 1980.

**Шлюк, Н. Ф.** 1997. *История Древнего мира: Древний Восток*. 2-е изд. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.

**Ebeling, E.** 1927. *Keilschrifttexte aus Assur juristischen Inhalts. Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft*. Bd. 50. Leipzig.

**Figulla, H. H.** 1949. *Business Documents of the New-Babylonian period. Ur Excavations Texts*. London.

**Grice, E. M.** 1919. *Records from Urand Larsa Dated in the Larsa Dynasty*. Vol. VIII. London: New Haven.

**Petschow, H.** 1956. *Neubabylonisches Pfandrecht*. Berlin.

**Scheil, V.** 1915. La liberation judiciaire d'un fils. *Revue d'Assyriologie* XII.

**Strassmaier, J. N.**

1889. *Inschriften von Nabonidus, König von Babylon*. Leipzig.

1890. *Inschriften von Cyrus, König von Babylon*. Leipzig.

1892. *Inschriften von Darius, König von Babylon*. Leipzig.

**The University of Pennsylvania.** The Museum. Publications of the Babylonian Section. Vol. II. Philadelphia, 1912.

**Wittfogel, K. A.** 1957. *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press.

**Yale Oriental Series Babylonian Texts.** Vol. VI. New Haven: Yale University Press, 1920.